

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

X ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

перни. Кстати, этот бадбал и помечен родовой каганской тамгой, дополненной личным знаком. Поэтому, бадбал nada тёлёсов свидетельствует не об убийстве сына или брата, а о поминальном подарке Бильге-кагану. Не объяснено еще разнообразие тамг на статуях в погребальном комплексе Каль-тегину. А ведь это знаки тех, кто сделал поминальный дар.

Материалы помогают объяснить содержание надписи Ихэ-Ханьинора и показать историко-культурный фон. В свою очередь, эта маленькая надпись помогает понять некоторые темные места в рунических текстах и в древнетюркской археологии.

Н. Д. Миклухо-Маклай

АЛ-ИСТАХРИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В истории средневековой арабской географической литературы ал-Истахри и его географическому труду (Масалик ал-мамалик) принадлежит одно из первых мест. В средние века труд этот пользовался вниманием не только в арабской, но и в персидской среде. Об этом свидетельствуют три дошедших до нас персидских перевода сочинения ал-Истахри, осуществленные в XII-XIII вв.¹⁾ Этим переводам присуща одна общая черта: в их тексте отсутствует имя автора арабского оригинала сочинения, т.е. имя ал-Истахри. В двух переводах (в переводе, приписываемом Ибн Саваджи, и в переводе Мухаммада ибн Ас'ада ибн 'Абдаллаха) сочинение ал-Истахри по существу выступает перед нами как анонимное произведение. В третьем переводе (перевод 'Али ибн 'Абд-ас-Салама) автором арабского оригинала вместо ал-Истахри указан ал-Джайхани - семанитский вазир и географ (X в.).

У нас нет сколько-нибудь серьезных оснований относить отсутствие имени ал-Истахри в персидских переводах его сочинения на счет переписчиков рукописей этих переводов. Достаточно указать, что один перевод (Мухаммада ибн Ас'ада ибн 'Абдаллаха) представлен автографом самого переводчика, а другой перевод (приписываемый Ибн Саваджи) представлен многими рукописями, в том числе и несколькими достаточно старыми и авторитетными.

Обратимся теперь к данным иного рода, также свидетельствующим о внимании, которым пользовался труд ад-Истахри в персидском средневековом ученом мире. Мы имеем в виду факт использования этого труда в различных произведениях персидской средневековой литературы. Можно указать ряд сочинений, в которых имеются цитаты из труда ад-Истахри. Однако примечательно здесь то, что, приводя эти цитаты, авторы делают ссылки на сочинение ад-Истахри, но имени самого ад-Истахри, как правило, не упоминают. Так, например, поступает Мирхонд в географическом приложении к Резаэт ас-сафе (в перечне источников он также не упоминает имени ад-Истахри) и Амин Рази в Хефт икдм. Первый, цитируя сочинение ад-Истахри, называет его "Масадик ад-мамелик", а второй — "Масадик ва мамелик". Хамдаллах Казвини в Нузхат ад-кулуб в перечне источников и в тексте самого сочинения также ни разу не упоминает имени ад-Истахри.

Исключений из этого правила существует, по-видимому, немного, и известные нам исключения не меняют сути дела. Для примера укажем на Маджаллис ад-муминин — шиитский биографический свод XVI в. (автор — Нураллах Шустари). В географическом разделе этого свода, в рассказе о городе Рее, Шустари приводит цитату из сочинения ад-Истахри, которую он начинает со слов "Истахри сказал". Однако из этого никак нельзя сделать заключение, что Шустари, цитируя ад-Истахри, действительно знал, кто он был, и, упоминая ад-Истахри, связывал это имя с принадлежащим ему сочинением. Дело в том, что приводимая от имени ад-Истахри цитата отнюдь не была непосредственно заимствована Шустари из сочинения самого ад-Истахри. Эта цитата (начиная со слов "Истахри сказал") представляет собой ничто иное, как простую репродукцию в персидском переводе арабского текста, заимствованного Шустари из географического словаря Йа'кута.

Таким образом, перед нами вырисовывается следующая ситуация: представители образованных кругов средневекового персидского общества знают и используют труд ад-Истахри, и вместе с тем они хранят молчание относительно имени ад-Истахри.

Думается, что разгадку этого факта следует искать прежде всего в одной внешней особенности текста труда самого ад-Истахри. Как свидетельствуют арабские рукописи сочинения ад-Истахри и его персидские переводы, ад-Истахри не поставил своего имени в тексте сочинения, а указав его вне рамок последнего, т.е. по всей

вероятности вперед или в конце сочинения. У нас нет оснований предполагать, что ад-Истахри мог выпустить в свет свое сочинение, не указав своего имени. Однако такая надпись с именем ад-Истахри, находящаяся вне рамок основного текста сочинения и органически с ним не связанная, легко могла пропускаться переписчиками, что неизбежно должно было приводить к появлению рукописей, в которых сочинение ад-Истахри по существу фигурировало как анонимное.²⁾ Существование подобных рукописей нам документально подтверждает персидский перевод 'Али ибн 'Абд-ас-Салама, в котором сочинение приписано ад-Джайхани. Совершенно очевидно, что такая ложная атрибуция (независимо от того, кому она принадлежит — переписчику арабского оригинала или его персидскому переводчику) могла появиться только как следствие бытования сочинения ад-Истахри, во всяком случае в некоторых его рукописях, в виде анонимного произведения. К одной из таких анонимных рукописей в конечном счете и должна восходить та конкретная рукопись, по которой 'Али ибн 'Абд-ас-Салам сделал свой перевод сочинения ад-Истахри. Таким образом, в данном случае вину за отсутствие имени ад-Истахри мы не можем возлагать ни на переписчика арабского текста, с которого непосредственно был сделан персидский перевод, ни на автора этого перевода и, наконец, само собой разумеется, ни на переписчиков рукописей этого последнего.

Выше уже отмечалось, что у нас нет причин отсутствие имени ад-Истахри в двух персидских переводах его сочинения (перевод, приписываемый Ибн Саваджи, и перевод Мухаммада ибн Ас'ада ибн 'Абдаллаха) относить на счет пропусков, сделанных переписчиками рукописей этих переводов. Можно ли отнести пропуски, о которых идет речь, на счет авторов этих двух переводов? Конечно, по крайней мере теоретически, такое предположение нельзя совершенно исключать. Однако в свете того, что здесь было сказано о существовании сочинения ад-Истахри в некоторых рукописях в анонимном состоянии, гораздо более вероятно другое предположение: указанные два персидских перевода не содержат имени ад-Истахри по той причине, что имя ад-Истахри отсутствовало в тех арабских рукописях, с которых эти переводы были сделаны.

Сказанное здесь, думается, может пролить свет и на другой, отмеченный ранее факт — молчание в отношении имени ад-Истахри, хранимое средневековыми персидскими авторами, использовавшими его труд. После того, что здесь говорилось о персидских перево-

дах ал-Истахри, подобное молчание, причем, по нашим наблюдениям, достаточно единодушное, отнюдь не может выглядеть как нечто случайное. Напротив, персидские переводы ал-Истахри подсказывают нам наиболее вероятную, если и не единственную возможную объективную причину этого молчания: анонимность сочинения ал-Истахри в имевших тогда хождение его рукописях. Конечно, было бы ошибочным думать, что сочинение ал-Истахри во всех циркулировавших тогда его копиях превратилось в анонимное произведение. Однако, судя по приведенным здесь данным, есть все основания считать, что такой трансформации оно подверглось в очень большом числе списков.

Привела ли подобная трансформация к утрате и забвению имени ал-Истахри в средневековом персидском обществе, как это нередко случалось при аналогичных обстоятельствах с именами многих авторов? Думается, что сказать так мы можем и в данном случае, правда с некоторой оговоркой. Представители персидского общества, читая различные произведения арабской литературы, например словарь Йа'кута, встречали там имя ал-Истахри, но они как-то не связывали это имя с ходившим в анонимном виде в рукописях сочинением ал-Истахри. Свидетельством этому может служить никак иначе не объясняемое молчание в отношении имени ал-Истахри, хранимое известными нам памятниками средневековой персидской литературы. Понятно, что такое положение должно было свести к минимуму известность ал-Истахри, и в этом смысле можно говорить даже об его забвении. Забвение это, или, точнее говоря, отрыв имени ал-Истахри от его сочинения, по-видимому, произошел довольно рано. Если судить по упоминавшимся трем персидским переводам сочинения ал-Истахри, то это должно было иметь место не позднее XII в.

Конечно, на переписчиках лежит первоначальная вина за утрату в рукописях имени ал-Истахри, приведшую в конечном счете к забвению его имени в средневековом персидском обществе. Однако сама по себе такая погрешность переписчиков еще не могла бы привести к подобному результату. Главную ответственность за него следует возложить на одну характернейшую черту названного общества: проявляя интерес, иногда довольно большой, к тому или иному произведению, оно обычно оставалось совершенно равнодушным к личности, а следовательно, и к имени его творца. Поэтому, насколько мы можем судить, общество обращало очень малое

внимание на такого рода погрешности переписчиков, приводившие нередко к постепенному превращению сочинения со всеми отсюда вытекающими последствиями в анонимное произведение. Вот это-то безразличие к личностям авторов, во всяком случае к определенным их категориям, вместе с небрежностью переписчиков и было основной причиной забвения — частичного или полного — имен многих средневековых писателей, в том числе и авторов некоторых выдающихся произведений. Забвение имени ад-Истахри в средневековом персидском обществе может служить ярким примером, иллюстрирующим и подтверждающим это общее положение.

1) Н.Д.Миклухо-Маклей, О персидских переводах Абу Исхака Ибрахима ад-Истахри. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. УП годичная научная сессия ДУ ИВ АН (краткие сообщения). "Наука", 1971, с. 24-26.

2) Н.Д.Миклухо-Маклей, К происхождению анонимов в средневековой литературе на персидском языке. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. УП годичная научная сессия ДУ ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения). "Наука", 1972, с. 39-48.

Х.С.Мусаэлян

ПОЭМА "ЗАМБИЛЬФРОШ", ПРИПИСЫВАЕМАЯ МУРАД-ХАНУ
БАЯЗИДИ

До недавнего времени считалось, что популярное у курдов сказание "Замбильфрош" (продавец корзин) бытует только в фольклоре. Впервые о существовании литературной обработки этого повествования, сделанной поэтом XV в., стало известно в 1957 г. после опубликования описания коллекции курдских рукописей, собранных русским консулом в Турции А.Д.Набой.¹⁾

В 1967 г. в Ираке курдский ученый Г.Мукриани издал еще одну литературную версию "Замбильфроша" на северном диалекте курдского языка (бахдинани).²⁾ Текст поэмы был прислан в 1968 г. 60-летним служащим из Мосула Шейхом Баширом Афанди с сопроводительным письмом, которое Г.Мукриани помещает в своем предисловии.